

Міністерство освіти і науки України
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова
Кафедра історії стародавнього світу та середніх віків
Одеський археологічний музей
Національної академії наук України
Відділ археології Північно-Західного Причорномор'я
Інституту археології Національної академії наук України
Державний архів Одеської області
Грецький фонд культури (Одеса)

СТАРОДАВНЄ ПРИЧОРНОМОР'Я

Випуск XI

Одеса
ОНУ
2016

УДК 9(4-11)"632/1789"
ББК 63.3(4,5)2/5
С773

Рекомендовано до друку рішенням Вченої ради
історичного факультету ОНУ імені І. І. Мечникова.
Протокол № 5 від 17 лютого 2016 р.

Стародавнє Причорномор'я. Випуск XI / Голов. ред. І. В. Немченко. –
Одеса: Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
2016. – 610 с.

Збірка «Стародавнє Причорномор'я» складена на основі матеріалів XI читань пам'яті професора П. Й. Каришківського, міжнародної конференції, яка відбулась в ОНУ імені І. І. Мечникова 11–13 березня 2016 р. Випуск містить статті з проблем нумізматики, історії та археології Північного Причорномор'я, античної та середньовічної історії, візантинознавства, історії Європи раннього модерного часу, історіографії тощо. I–X випуски збірки виходили під назвою «Древнее Причерноморье».

Рецензенти:

Бруяко І. В. – д.і.н., директор Одеського археологічного музею НАНУ;
Довгополова О. А. – д.ф.н., професор кафедри філософії природничих факультетів ОНУ імені І. І. Мечникова.

Редакційна колегія:

Немченко І. В. – к.і.н., зав. кафедри історії стародавнього світу та середніх віків ОНУ імені І. І. Мечникова, головний редактор;
Дьомін О. Б. – д.і.н., зав. кафедри нової та новітньої історії ОНУ імені І. І. Мечникова;
Дзиговський О. М. – д.і.н., професор кафедри археології та етнології України ОНУ імені І. І. Мечникова;
Кушнір В. Г. – д.і.н., декан історичного факультету ОНУ імені І. І. Мечникова;
Луговий О. М. – к.і.н., доцент кафедри історії стародавнього світу та середніх віків ОНУ імені І. І. Мечникова, зам. головного редактора;
Булатович С. А. – к.і.н., доцент;
Охотніков С. Б. – к.і.н., зам. директора Одеського археологічного музею НАНУ;
Руссов М. Д. – доктор хабілітат історії, професор Вищої антропологічної школи (Кишинів, Молдова);
Самойлова Т. Л. – к.і.н., зав. Відділом археології Північно-Західного Причорномор'я Інституту археології НАНУ;
Сминтина О. В. – д.і.н., зав. кафедри археології та етнології України ОНУ імені І. І. Мечникова;
Сорочан С. Б. – д.і.н., зав. кафедри історії стародавнього світу та середніх віків Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

ISBN 978-617-689-159-8

© Колектив авторів, 2016

© Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, 2016

⁹ Руссев Н.Д. Два варианта городской истории средневекового Причерноморья – Белгород и Олешье // Генуэзская Газария и Золотая Орда. – Казань-Симферополь-Кишинев, 2015. – С.19-39.

¹⁰ Більш детально див.: Гордеев А.Ю. Топонимия побережья Черного и Азовского морей на кртах-портоланах XIV-XVI веков. – К., 2014. – С.240.

¹¹ Яцунский В.К. Историческая география: история её возникновения и развития в XVI–XVIII веках. – М., 1955. – Вкладка. Див.: Карта 2.

¹² Dilich W. Ungarische Chronica Darinnen ordentliche, eigenteliche und kurtze... – Wessel, 1600.

¹³ Thesaurus antiquitatum romanorum ... Congestus a Joanne Georgio Gravio.../ Compil. Joannes Georgius Graevius. – Lugduni, 1694–1699. – Т.1. Див.: Карта 3.

¹⁴ Wagner D. E. Geschichte von Polen. – Leipzig, 1775. – Т.1. – S. 7, 915.

¹⁵ Ibidem. – S.8-9.

¹⁶ Зокрема, Odessus позначено у французькому атласі: Theatrum Historicum. In Imperii Romani. Pars Orientalis / De L'isle G. – Paris, 1705.

Див.: <http://www.swaen.com/antique-map-of.php?id=3183> Дякую Г.Горбу за надану карту та інформацію про неї.

¹⁷ Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У. Україна на стародавніх картах. Кінець XV ст. – перша половина XVII ст. – К., 2006.

Г. С. Богуславский (Одесса)

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ УРБАНИСТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО И МОЛДАВСКОГО ПОДНЕСТРОВЬЯ

Работа посвящена краткой сравнительной характеристике экономического развития городских центров бассейна нижнего Днестра в XIV–XV вв. – расположенного в устье реки Белгорода (Акджа Кермана, Аспрокастро) и городов средней части Пруто-Днестровского междуречья – Янги Шехра – (Старого) Орхья и городища Костешть.

Процессы урбанизации в Улусе Джучи протекали двумя основными путями (типами). На окраинах Улуса (Крым, Волжская Булгария, также Хорезм) продолжалось в новых условиях развитие домонгольских городских традиций, нарушенное, но не прерванное процессом завоевания; в степи же города строились на новых местах (Сарай, Новый Сарай, Бельджамен, Увек, Маджар). В Северо-Западном Причерноморье, на западной окраине Золотой Орды, также можно проследить оба пути золотоордынской урбанизации.

По второму типу, «на пустом месте» появляются в конце 1340-х гг. города в северной зоне – в средней части Пруто-Днестровского междуречья (Янги Шехр и городище Костешть), по

своему происхождению связанные с масштабным единовременным перемещением населения из центральных, нижеволжских районов страны. Материальная их культура типична для общезолотоордынской городской культуры. Возможно, их первопоселенцы были беглецами от «Великой Чумы» 1346–1353 гг., от которой Нижнее Поволжье пострадало особенно сильно.

В южной зоне, в устье Днестра, средневековое поселение на месте древнегреческого города Тиры, по-видимому, появилось еще в раннесредневековый период. Оно вряд ли было городским поселением, тем не менее место было обжито еще в домонгольскую эпоху, так что урбанизация Белгорода – Акджа Кермана относится к первому типу. Специфику данного пути урбанизации отражал и смешанный характер населения города в эпоху Улуса Джучи, в составе которого присутствовали как ордынские переселенцы («татары»), так и местное оседлое христианское население греческого, болгарского, русинского происхождения – вероятно, представители тех же этносов, что населяли и домонгольский поселок. Наконец, еще одной спецификой нового, золотоордынского Белгорода стал его, по-видимому, изначальный характер выраженного торгового центра, само появление которого было в значительной степени обусловлено активной ролью во всей акватории Черного моря генуэзских торговцев. Географическая локализация порта в устье крупной реки делала подобную экономическую специфику города практически неизбежной.

Общей была у Акджа Кермана, Янги Шехра и Костешть принадлежность к единому государственному организму Улуса Джучи; материальная культура, как она вырисовывается по археологическим данным, в достаточной степени показывает близость, а временами и идентичность. Нумизматические материалы показывают, что два десятилетия в 1350–1360-х гг. три золотоордынских городских центра Северо-Западного Причерноморья составляли единое экономическое целое. Вместе с тем Акджа Керман демонстрирует заметные отклонения от «общеордынского стандарта» культуры, закономерно связанные с полиэтничным характером его населения и экономическими и этнокультурными связями, направленными преимущественно за пределы Улуса Джучи.

С момента своего появления как городского центра в конце XIII в. Белгород на Днестре непрерывно существует до настоящего времени. В первые два века своего существования, до османского завоевания в 1484 г., это был крупный для своего времени торговый порт, довольно мощный экономический центр XV в.

Неполная в силу недостатка источников картина экономического развития Белгорода на Днестре в золотоордынскую и молдавскую эпоху представляется примерно следующим образом.

Приусадебное земледелие и придомное стойловое скотоводство при полном отсутствии у города сельскохозяйственной округи вряд ли позволяло белгородцам XIV–XV вв. обеспечивать себя основными продуктами питания. Хлеб и продукты скотоводства, вероятно, в основном поступали к горожанам через рынок. Косвенно это подтверждается широким хождением и в золотоордынском, и в молдавском Белгороде мелкой разменной медной монеты, маркирующей развитый внутренний рынок. Только рыболовный промысел зафиксирован в источниках, как обычное дело для белгородских горожан.

Домашние промыслы и профессиональные ремесла средневекового Белгорода очень неравномерно представлены в археологических и практически отсутствуют в письменных источниках эпохи. Хорошо исследованным является строительное дело; по имеющимся материалам раскопок каменное жилое домостроительство золотоордынского Белгорода можно охарактеризовать довольно полно. Практически единственным профессиональным ремеслом золотоордынской эпохи, о характере которого имеется обширный корпус археологических данных, является гончарное. Здесь известны и производственные комплексы, и достаточно хорошо изучена многочисленная продукция местных гончаров. Другие ремесла представлены в археологическом материале Белгород-Тирского городища очень невыразительно.

Археологические данные по молдавскому периоду еще скуднее. Массовый материал XV в. плохо выделяется в раскопках – отсутствуют надежно датированные комплексы, которые могли бы стать эталонными. Мастерство строителей-каменщиков молдавской эпохи показывает Аккерманская крепость, выстроенная в несколько приемов за «молдавский век». Нумизматические материалы дают нам свидетельство о еще одной отрасли ремесла, существовавшей в молдавском Белгороде – монетной чеканке XV в. (городской «чекан Аспрокастро»).

Письменные источники почти полностью концентрируются на главной экономической специализации города-порта – на транзитной торговле зерном и рабами. Многие иные виды продуктов экспортировались через Белгород, но основной корпус источников подчеркивает роль только двух основных видов экспорта. Транзит зерна через Молдову в течение XV в. монополизируют купцы Львова;

морская часть перевозок осуществляется преимущественно (хотя и не исключительно) генуэзцами. Статус свободного порта позволяет городской верхушке Белгорода получать немалые доходы от транзита.

Археологические материалы золотоордынского и молдавского времени, фиксирующие разнообразный керамический импорт чуть ли не со всей Евразии, вполне подтверждают картину широких связей торгового города. Характерно, что керамический импорт показывает ориентацию Белгорода даже в XIV в. не на центральные области Золотой Орды, а в южном направлении – на Крым, Балканы и даже (опосредовано) Испанию; видимо этот факт отражает специфику посреднической роли генуэзцев. Среди данного импорта XV в. весьма представлен анатолийский, что демонстрирует не только стратегическую, но и экономическую заинтересованность Османов в овладении торговым городом в устье Днестра.

Благодаря своему статусу международного транзитного порта Белгород в XV в. становится одним из важнейших коммерческих центров Восточной Европы и крупным для своей эпохи урбанистическим центром с населением 15–16 тысяч человек, находящимся в ряду значительных городов европейского континента.

Янги Шехр и Костешть – золотоордынские города центральной части Пруто-Днестровского междуречья – внезапно появились в конце 1340-х гг. в результате массового единовременного переселения из Нижнего Поволжья, в рамках ли административной политики Улуса Джучи или как убежища беглецов от Великой Чумы. Несмотря на серьезные различия с расположенным в южной зоне Северо-Западного Причерноморья Белгородом в хозяйственной специфике и этнокультурной картине, на этом этапе их история и экономика оказались тесно связанными.

Города центральной части Пруто-Днестровского междуречья были окружены сетью сельских поселений. Часть этих поселений, по-видимому, появилась еще до переселения городских жителей с Волги на Днестр, на рубеже XIII–XIV вв.; часть, вероятно, отражает культуру переселенцев-крестьян, появившихся в регионе синхронно переселенцам-горожанам. Жизнь на поселениях прекратилась, насколько мы можем судить, одновременно с исчезновением городских центров региона на рубеже 1360–1370-х гг. Сельские поселения Кодр составляли сельскохозяйственную округу городов, обеспечивая их продукцией земледелия и, возможно, скотоводства. Связь между сельским населением, поставлявшим в города продовольствие, и городским, расплачивающимся с сельской округой продукцией ремесленного производства, была довольно интенсивной: на сельские

поселения поступала продукция городских гончаров, не исключено, что и кузнечная продукция (по крайней мере, частично). Часть продуктов скотоводства на рынок Янги Шехра, а возможно, и Костешть, могла поступать из крупных скотоводческих хозяйств представителей степной родовой элиты, живших в Янги Шехре, который в 1360-х гг. успел побывать ханской ставкой.

Урбанистические центры, основанные переселенцами с Нижней Волги на правых притоках Днестра в холмистой зоне Кодр, с самого момента своего возникновения имели черты как сходства, так и различия.

Явным различием, проявившимся изначально, была топография новых городов. Янги Шехр был основан на высоком правобережном мысу, господствующим над долиной Нижнего Реута. Безымянное городище у села Костешть было основано в пойме верхнего течения Ботны – в отличие от Янги Шехра (да и Акджа Кермана, стоящего на мысу над лиманом), его скорее можно охарактеризовать как город-убежище. Эти изначальные различия вполне проявляются и в археологических материалах, чья разность лишь отчасти зависит от неравномерной исследованности памятников. Различия – в первую очередь в количестве монетных находок – проявляются и в нумизматическом материале, происходящем из раскопок городов.

Общими же у городов были происхождение, материальная культура и недолгая история, уместившаяся в короткий срок двух десятилетий. Общим является и тот факт, что оба города так и не попали ни в один письменный источник; вся информация, которой мы о них обладаем, – исключительно археологическая.

В сравнении с Акджа Керманом жилое домостроительство Янги Шехра и Костешть предстает очень разнообразным. В более крупном (и лучше исследованном) Янги Шехре были возведены (и раскопаны) такие капитальные каменные сооружения, как мечеть, караван-сарай, общественные бани. Близ обоих городов раскопаны кирпичные мавзолеи-мазары. Конструкция и планировка капитальных зданий Янги Шехра, как и мавзолеев, так же, как и пестрота домостроительной техники, практически идентичны постройкам золотоордынских городов Поволжья и, безусловно, оттуда и были перенесены в Пруто-Днестровское междуречье.

Наиболее обеспеченное археологическими материалами ремесло золотоордынских городов центральной части Пруто-Днестровского междуречья, как и в золотоордынском Белгороде, гончарное. Нам известны как производственные комплексы, так и продукция местных гончаров; в обоих городах были частично раскопаны гончарные

кварталы. Кузнечное дело представлено большим количеством находок изделий, а в Янги Шехре были открыты и металлургические производственные комплексы. Наконец, еще одно ремесло, появившееся в Янги Шехре, – монетная чеканка. Серебро и разменная медь активно обращалась не только в самом Янги Шехре, но и в Акджа Кермане. На городище Костешть предположительно также существовал местный чекан, но значительно более ограниченный. В Янги Шехре более масштабные по сравнению с Костештами и Белгородом исследования позволили выявить пространственную структуру ремесленных кварталов, тяготеющих к окраинам города.

Для урбанистических центров, основанных на реках Днестровского бассейна, первым и естественным контрагентом их внешних связей являлся портовый город в нижнем течении того же Днестра. Но в целом поливной керамический импорт в золотоордынских городах северной зоны Северо-Западного Причерноморья исключительно беден. По сути, он сводится к т.н. кашинной керамике, связанной своим происхождением, как и само население города, с Нижним Поволжьем.

Янги Шехр и Костешть прекращают свое существование на рубеже 1360–1370-х гг. так же внезапно, как появились за двадцать лет до этого. Временность их жизни как нельзя лучше показывает тот факт, что на материалах больше исследованного Янги Шехра можно увидеть «нетипичность» его как города восточного, мусульманского типа. Несмотря на секундное в масштабе истории существование, Янги Шехр и Костешть были настоящими городами – центрами ремесла и торговли.

Уход ордынского населения из Поднестровья и Пруто-Днестровского междуречья на несколько десятилетий создал в регионе демографический вакуум.

Освоение восточно-романским населением территории Пруто-Днестровского междуречья достаточно долго протекало почти исключительно в ландшафтной зоне, близкой к их родине в Карпатах, – по массиву Кодр. Данные документов даже для XVII в. показывают, что Пруто-Днестровское междуречье оставалось слабо заселенным. Тем не менее в XV в. в низовьях Реута существовало до полутора десятков сел. Одним из них был будущий город Орхей, появившийся в 1420-х гг.

Основой хозяйственной специализации молдавского населения Кодр в целом было животноводство. Для жителей Орхей и других поселений микрорегиона Нижнего Реута, расположенных в

лесостепном ландшафте, не менее важным было и земледелие; большое значение в хозяйстве микрорегиона имел также рыболовный промысел.

Основная часть открытых городских сооружений – деревянные, а затем каменные укрепления, церковь, большинство мастерских и жилищ, относятся ко второй половине XV – первой половине XVI в. Пыркалаб Орхея впервые упоминается в источниках в 1470 г. Только в последней четверти XV в. начался процесс формирования собственно города, превращения его в центр городского ремесла и торговли. Население города Орхея – воины и ремесленники – обеспечивалось продовольствием и в целом продукцией земледелия, скотоводства и рыболовства из окрестных деревень. Город приобрел черты типичного европейского феодального «королевского» замка, господствующего над округой. Получили развитие ремесла (гончарное, кузнечное, строительное и т.д.), частично нашедшие отражение в археологических находках. Рост производства сопровождался развитием торговли с Польшей и Литвой, а также Трансильванией; связь с переживавшим свое «золотое столетие» Белгородом по сравнению с золотоордынской эпохой была заметно слабее.

Однако процесс так и не был завершен. Даже юридического статуса города Орхей так и не успел получить. После трех жестоких разгромов (в 1499, 1510 и 1538-1539 гг.), учиненных крымскими или турецко-крымскими войсками, Орхей практически прекратил свое существование как урбанистический центр.

Таким образом, мы можем наблюдать довольно любопытный парадокс, составляющий главное различие средневековой урбанизации в северной и южной зоне Северо-Западного Причерноморья.

В степной приморской зоне, казалось бы, более подверженной внешним угрозам, урбанистический центр на Нижнем Днестре, возникнув в конце XIII в., существует с тех пор непрерывно. На переходе от золотоордынской к молдавской и от молдавской к османской эпохе он испытал заметные, даже кардинальные изменения в этнокультурном составе населения, но все равно сохранялся как городской центр с безусловной преемственностью жизни. Собственно, и переход от османского к новейшему периоду истории города был таким же переломом, но Аккерман-Четатя Албэ-Белгород-Днестровский в составе Российской империи, Румынии, СССР, Украины никогда не переставал существовать.

В северной зоне, в центральной части Пруто-Днестровского междуречья, казалось бы, лучше защищенной от внешней угрозы ландшафтом, процессы урбанизации в рассматриваемую нами эпоху, по сути, оставались незавершенными. Золотоордынские города региона

просуществовали всего два десятка лет; немногим более продлилась городская стадия развития молдавского Орхея, даже не успевшая оформиться официально. Ныне на территории Старого Орхея и золотоордынского городища на Ботне нет современных населенных пунктов даже сельского характера.

В чем же причина парадокса? По-видимому, ландшафтная защищенность массива Кодр оказалась все-таки относительной. Присутствовала ли в первом случае (финал золотоордынского урбанизма) прямая угроза со стороны Литвы или Молдовы, или же был прямой приказ сверху перебираться на новые места в интересах центральной власти – но население Янги Шехра и Костешть централизованно снялось с места и откочевало на восток, не цепляясь за обжитые земли. Во втором случае угроза превратилась в реальность военного разгрома, причем неоднократного; прямую конфронтацию молдавский Орхей не выдержал и не пережил.

Живучесть же Белгорода оказалась обусловленной экономическим фактором. Это был удобный и быстро ставший важным порт на оживленной торговой дороге; как таковой он был нужен и Улусу Джучи, и Молдове, и Османам. Не вина Османов, что город пришел в упадок при их владычестве – они этого меньше всего хотели. Для того чтобы Белгород перестал быть крупным экономическим центром, должны были кардинально измениться основные направления экономических связей в общеевропейских масштабах. Именно это и произошло. Тем не менее город пережил и этот кризис, в дальнейшем – и политические передрыги XVIII–XX вв., и существует и ныне.